

Маленький мальчик плакал. Он сидел на обугленной земле и шёпотом звал своих родителей, так как кричать не было больше сил. Они так и не вышли из дома напротив, поглощённого пламенем, догорающего, доживающего свои последние минуты. Пару часов назад его мать держала балку придавившую ее сына, тем самым давая возможность вызволить себя из объятых огнем и дымом дома.

Сколько бы он не ждал, сколько бы не звал, мать так и не появилась, пожертвовав ради него своей жизнью. Это было невыносимо. Всю ночь он просидел, не шевелясь, у разрушенного некогда величественного строения.

Маленький Лань Ши не хотел уходить от места пожара, но, начиная с этого момента, его уже никто не будет спрашивать, чего он хочет. За руку тянули больно, но он не смел плакать.

— Твоя комната, — коротко бросил мужчина, широкий в плечах, в неярких одеждах темных тонов, что выглядели менее изысканно, чем носила семья мальчика. — С вещами ты должен относиться с должным уважением: если что-то сломается, нового не будет. Завтра утром тебе принесут новые одеяния для похоронной процессии. Не опозорь меня.

— Да, дядя

— С сегодняшнего дня я для тебя господин Шенг Чжи.

— Да, господин.

С этих слов началась его жизнь с младшим братом его отца. Лань Ши не ожидал, что к нему будут хорошо относиться: он прекрасно осознавал свое положение и помнил отношение этой семьи, а конкретно его нового господина к прославленным заклинателям. После смерти его жены, около восьми лет назад, он разорвал все связи со своим шисюном, объявив во всеуслышание, что если кто-то из семьи Ланей явится на порог дома Шенг Чжи, последний не раздумывая проткнет его мечом. Это касалось не только родителей новорожденного мальчика, но и всего клана Лань. Однако, он не смел бросить вызов всему клану, поэтому полностью переместился на земли людей, не практикующих развитие золотого ядра.

Лань Ши не знал причин такого поведения, а все, что ему было известно от отца — что господин Шенг поддался разрушающим душу мести и гневу, разорвав все крепкие когда-то связи и теплые отношения. Лань Юнг Су выглядел огорченным до глубин своей чуткой души, когда говорил о своем шиди, что отрекся от совершенствования духа, клана и всей семьи, перебравшись на территорию людей со своим маленьким сыном.

Также мальчику было известно то, что снисхождения к нему не будет. Он пообещал себе, что ради высоко почитаемых отца и матери и ради своей мечты стать великим заклинателем он стерпит любые невзгоды, встречающиеся у него на пути. Не смотря на то, что сердце жгла люта я ненависть наполоам с неистовым желанием отомстить, будущий заклинатель следовал наставлениям родителей и сдерживал свои чувства, достойно вынося все удары судьбы кулаками своего дяди, и иногда и шисюна — Шенг Лея.

Он не плакал на похоронах. Как не плакал, когда впервые его избил пьяный до омраченного сознания господин Шенг, и когда его вещи отбирал шисюн, вплоть до момента, когда его нарекли Лань Ван Мей.

— Эй, ты! Опять книжки свои читаешь? Дай посмотреть! Дай сюда говорю! — крепкой хваткой Шенг Лей вырывал книгу духовных практик из рук Лань Шиа. — Тебе они все равно не пригодятся, ты ведь в государстве людей, зачем тебе книжки для заклинателей?

— Это книги моих родителей, не смей их трогать! — упирался Лань Шиа, всеми силами удерживая драгоценные страницы.

— Если не отдашь, я позову ребят, и они помогут мне тебя избить!

Глаза мальчика загорелись от гнева. Он жалел, что пока еще не мог дать отпор такой группе людей, так как его физические навыки были далеки от совершенства.

Шисюн все же вырвал книгу из его рук, толкнув его ногой. Смотри на то, как рвется бумага, такая дорогая и сердцу и кошельку — он отчаянно хотел достичь своего семнадцатилетия как можно скорее, чтобы можно было сдать вступительные экзамены в школу заклинателей.

Несомненно, Шенг Лей знал о его планах, как знал и Шенг Чжи. От этого их отношения лучше не становились, но старшему было плевать — тем более господин Шенг не отбирал его принадлежностей и не запрещал практиковаться в свободное время. Этого было достаточно. Более того — находясь в трезвом сознании и добром расположении духа, Шенг Чжи казался снисходительным мужчиной. Он не был абсолютным злом или демоном, но гневать его не стоило. Лань Шиа никогда не спорил, беспрекословно выполнял все поручения, был тих и спокоен, в следствии чего удостоился чести посещать вместе с шисюном престижную школу каллиграфии, музыки и фехтования.

Он старался не притекать внимания окружающих, так как не все жаловали заклинателей в мире простого народа. Однако, шисюн продолжал его задира, и в конце концов он оставался без письменных принадлежностей, с кучей синяков и царапин. Так продолжалось до тех пор, пока учитель гуциня не наказал их обоих, заметив как они дрались на заднем дворе учебного заведения.

Отмывая очередной стол для занятий, Лань Шиа вдруг положил тряпицу, посмотрел прямо на Шенг Лея, и спокойно спросил:

— Почему ты меня так ненавидишь?

Никогда раньше он не говорил ничего подобного вслух, однако крутил в своей голове, и сейчас наконец решился прямо задать мучащий его вопрос.

— Ненавижу? — мальчика сначала охватило удивление, ведь для него положение Лань Шиа в их семье было чем-то очевидным, тем, о чем не говорят вслух. — То есть ты не знаешь? — Вторая фраза прозвучала уже угрожающе, в голосе чувствовалась нарастающая злоба.

— Я понимаю, что ты не очень был рад пополнению в семье, но я не могу найти причину такой любой ненависти. — Маленький Лань был спокоен, ведь решил для себя, что должен попытаться узнать, не из жалости, но из интереса.

— Тебе нужна причина? Как насчет того, что ты, выродец заклинателей, которые навсегда испортили отцу жизнь и отобрали мою мать, пришел в мой дом и смеешь продолжать изучать эти искусства?! Я не понимаю, почему отец тебе позволяет?! Почему я должен навсегда отказаться от этого пути, а тебе все дозволено, хотя ты чужак, как отец закрывает глаза! — от обиды голос срывался, обнажая прикрытую кипящей яростью боль.

— Заклинатели забрали жизнь твоей матери? Прости, я ничего об этом не знал.

— Она умерла, потому что клан Лань посчитал ее предательницей, перешедшей на сторону демонов, — в глазах Шенг Лея проступили слезы. — И твои родители и слова в ее защиту не сказали! Они оставили ее, хотя могли спасти. Я знаю, что она не виновата, она бы никогда так не поступила! — он срывался на крик, из души его наконец вырывалось то, что он так отчаянно пытался похоронить в себе. — Папа говорит, что это твой отец ее подставил, вот и смотрел как она умирает! Все вы предатели! — на этих словах он бросился на Лань Шиа с кулаками, но тот успел увернуться, а затем схватил шисюна за руки.

— Послушай, я ничего не знал. Я уверен, что мой отец тоже бы не поступил так с твоей матерью. Я видел, как он тоскует по брату. Лань Юнг Су очень благородный заклинатель, он всегда говорил мне, что все люди должны поступать по совести... я уверен, что произошло что-то такое, о чем нам неизвестно.

— Хватит его защищать! Он ничего не сделал, поэтому он тоже виноват в смерти матери! — мальчик зарыдал в голос, выпуская скребущую его обиду, — Никто из Ланей ничего не сделал! Никто! А ведь она была одна из них!

Лань Шиа сначала просто выслушивал его, понимая, что так ему станет лучше. А когда тот немного успокоился, маленький заклинатель сказал:

— Мне очень жаль, что твоей матери не стало. Моих родителей тоже теперь нет, и они уже не смогут объяснить нам свои поступки. Если у меня когда-нибудь представится такая возможность, я обязательно узнаю, что произошло в тот ужасный день, когда ее обвинили в страшном преступлении.

Шенг Лей уже понемногу приходил в себя, и смысл слов Лань Шиа невероятно точно попал в самое сердце. Во-первых, даже если у мальчика и было желание мстить за мать, судьба давно за него это сделала: Лань Юнг Су и его жена были мертвы. Во-вторых, он вымещал свою злость на таком же пострадавшем, чьи родители также погибли от чьих-то рук. И в-третьих...

— Правда? Ты правда узнаешь? — глаза ребенка засветились слабым огоньком надежды. Со стороны выглядело так, будто плачущего ребенка отвлекли звенящей погремушкой.

— Правда. Я сделаю все возможное, чтобы найти виновных.

Лань Шиа уже не держал Шенг Лея, а тот просто лежал на полу и смотрел в потолок. Ему казалось, что никто никогда не сможет его понять, но этот маленький мальчик рядом, на ком он так долго тренировал свои боевые навыки, вымещая злость и обиду, оказался тем, кто смог понять. Стало стыдно за все свои издевательства. Шенг Лей не был абсолютным злом, он лишь не хотел смириться с тем, что у него нет матери. Причин для ненависти к своему шиди действительно не было.

Его сердце смягчилось, и после долгого молчания он посмотрел на мальчика рядом с собой и произнес:

— Хочешь, поищем в запрещенном отделе книги для заклинательства?

— Но он ведь на то и запрещенный, нам туда нельзя!

— А мы незаметно... ты уже научился скрывать свое присутствие?

— Немного, но...

— Научишь?

Лань Шиа взглянул на шисюна удивленно — такие перемены вызывали смешанные чувства. Все же, наставления родителей всегда давали свои плоды: откажись от мести, будь искренним с собой и другими, и тогда ты сможешь повлиять на весь мир. Он улыбнулся.

— Научу.

С тех пор отношение Шенг Лея к Лань Шиа поменялось кардинально. Он верил, что его шиди непременно должен стать заклинателем, чтобы узнать, что случилось с его матерью, и чтобы однажды он смог отомстить за ее смерть, и поэтому помогал искать книги и магические предметы, поддерживая своего нового героя. Угрызения совести также подталкивали его к действиям, сильно разнящимся с его предыдущим поведением, а усердие и таланты его шиди вызывали лишь восхищение. За совсем короткое время он стал главным почитателем Лань Шиа, внимая каждому слову, превознося каждое движение.

В очередном их путешествии в поисках магических предметов мальчикам пришлось

переплывать реку, которая казалось не такой уж большой, однако на обратном пути вода поднялась и ветер усилился, создавая маленьким путникам настоящие трудности.

Шенг Лей не мог сдвинуться с места, и лишь потом заметил, что полы его накидки зацепились за ветку. Лань Шиа тоже не оставил это без внимания.

— Да оставь ты ее, не выберешься ведь!

— Мне отец тогда уши оторвет, ты же знаешь, — кричал в ответ Шенг Лей, не желая видеть разгневанного Шенг Чжи.

— Если ты ее не оставишь, некому больше будет отрывать уши, давай снимай и хватайся за меня! — Лань Шиа еле-еле балансировал в воде так, чтобы его не унесло течение разбушевавшейся реки. Ему приходилось тяжело, но он не мог оставить своего шисюна.

Мальчик еще немного колебался, однако послушался голоса разума и, ухватившись за шиди, снял драгоценную вещь.

Когда они выбрались на берег, он лишь тихонько пробормотал продрогшим голосом:

— Спасибо.

— Разведем костер, чтобы немного высохнуть. Ты мне очень помог, А-Лей, мы сегодня нашли настоящие сокровища, — Лань Шиа улыбнулся, и его шисюну стало немного теплее. — Ты весь продрог. На, возьми, — он снял с себя полусухую-полумокрую накидку, протягивая Шенг Лею, однако тот отмахнулся.

— А сам что собираешься делать? Если заболеешь, отец за тобой точно ухаживать не будет, еще и изобьет, — упирался тот, изо всех сил стараясь не дрожать.

— Я не заболею. Ты не занимаешься заклинательством, тебе тяжелее. Возьми.

Шенг Лей не сдвинулся с места, и поэтому Лань Шиа сам подошел и накинул на него свои верхние одежды.

Когда разгорелся слабый огонек, маленький заклинатель наказал своему шисюну ждать его и никуда не уходить, пока он поищет еще сухих веток. Шенг Лей слабо кивнул и остался заморожено смотреть на сотворенное магией пламя.

Лань Шиа, пока поднимал сухие ветки, решил собрать немного растущих там грибов, чтобы можно было перекусить. Он забрался на небольшой холм, откуда было видно место их привала. Увидев несколько взрослых фигур рядом с его шисюном, он насторожился и постарался

прислушаться, но не смог ничего расслышать, так как слух его еще не был достаточно чувствителен для такого расстояния. Присмотревшись, он разглядел одеяния клана Юн, и сразу же почувствовав опасность, бросился к ним.

Как бы быстро он не бежал, было уже слишком поздно. Когда он приблизился, изо рта Шенг Лея стекала струйка свежей крови, а сам он тихо всхлипывал и, схватившись за живот, свернулся калачиком на холодной земле возле потухшего костра.

Маленький Лань сразу все понял. Они пришли по его душу, а его одежды были сейчас на Шенг Лее.

— Шисюн! Шисюн, ты слышишь меня? Прошу, оставайся со мной, А-Лей, ты слышишь? — он аккуратно поднял его за голову. Вытерев у рта красную полосу, продолжал звать.

— Шиди, ты пришел. Шиди, не ходи за ними, иначе они поймут, что взяли не того, — голос его был слаб, было видно, что он прилагает все усилия, чтобы говорить.

— А-Лей, не смей умирать! Я помогу, я спасу тебя, только...

— Ты пообещал, что найдешь виновных в смерти моей матери, — он закашлялся, сжал руку Лань Шиа, и, смотря ему прямо в глаза, продолжил — Ты должен жить. Прошу тебя, шиди, отомсти за смерть моей матери.

— Я отомщу, я обязательно отомщу! И за тебя и за твою мать, я обещаю, они поплатятся!

Лань Шиа обнимал его, плача навзрыд, снова и снова повторяя свои обещания, будто боясь остановиться. Он прижимал к себе тело, звал Шенг Лея, но услышать его больше было некому. Взгляд шисюна стал пустым, и рука, перед тем сжимающая руку Лань Шиа, опустилась на землю.

Мальчику казалось, будто иглы пронизывали его сердце, а с каждым новым криком легче не становилось.

Он знал: люди, что убили Шенг Лея, были заклинателями, устроившими пожар в его доме. Третий человек погиб от их рук, и этим человеком должен был быть он.

Когда Лань Шиа принес тело Шенг Лея в дом, он не стал ничего объяснять. Лишь стоял там, пока Шенг Чжи не опустился на колени и не забрал из его рук своего бездыханного сына. То, как растратовал эту картину господин, было просто догадаться: его мертвого сына принес в дом сын предателей Ланей.

Положив маленькое тельце на подушки, Шенг Чжи обернулся на заклинателя, и в груди его вспыхнула ярость.

Если бы господин Шенг не покинул клан Лань, отказавшись от фамилии заклинателей, он бы знал, что между кланом Юн и кланом Лань существовали разногласия, и попытался бы докопаться о истины, чтобы отомстить за сына.

Но он давно уже не являлся Ланем — более того, он жил на территории людей. Виновным в смерти Шенг Лея мог быть только один человек.

— Ты! — зарычал Шенг Чжи с ненавистью в голосе.

Лань Шиа стоял на том же месте, и его заплаканные глаза совершенно ничего не выражали, оставаясь пустыми.

— Как ты мог явиться сюда после того, что натворил? Ты, предатель, это ты убил моего сына!
— он подошел к маленькому Ланю, взял его за шиворот, а затем швырнул в стену.

Мальчик молчал. Он молча соглашался с каждым словом, обвиняя себя в смерти своего шисяна. Если бы не он... Шенг Лей был бы жив.

— Чего еще стоило ожидать от сына предателей... Я дал тебе кров, ты, ничтожество! Да какого черта!? — он яростно кричал, и теперь уже с силой толкнул мальчика в пол. Когда тот поднялся, сразу же получил по лицу, вновь встретившись лицом с холодными деревянными полами.

Однако силы от глубокого горя быстро покинули Шенг Чжи, и он вскоре сам оказался на полу, ударившись в рыдания. Лань Шиа подумал, что лишь из-за этого он остался в живых в ту ночь.

Немного оправившись от шока, мальчик поспешил за слугами, чтобы сообщить о смерти молодого господина, а затем спрятался в самом отдаленном уголке дома, чтобы не попасться на глаза Шенг Чжи. Маленькому заклинателю некуда было идти, и он остался в надежде, что господин не сможет поднять на него руку, побоявшись столкнуться со всеобщим порицанием общества и народным судом.

Господин Шенг действительно не стал убивать мальчика, но жизнь последнего превратилась в ад. Ежедневные побои сопровождались изощренными издевательствами, будто с каждым новым криком мужчине становилось легче пережить страшную потерю. Напиваясь без памяти, он находил предателя, избивал его до полусмерти и проваливался в беспамятство.

Лань Шиа подозревал, что Шенг Чжи как-то связан со смертью его родителей, ведь жена его была родом из клана Юн. Это могло означать, что господину было известно, что мальчик должен был погибнуть в тот день. Маленький заклинатель предполагал, что его хотели убить, чтобы в будущем он не смог отомстить, но возможности узнать истину не представлялось. Терпя побои господина Шенга, он был еще слишком слаб, чтобы дать сдачу, к тому же считал, что заслужил все самые страшные муки. Однако, ненависть к Шенг Чжи в его груди разрасталась, затуманивая разум, а измученное тело отзывалось ослабшим духом.

И потому, когда господина Шенга настигло искажение Ци, Лань Шиа молча стоял и смотрел, как тот умирает в агонии.

В последствии мальчику пришлось несколько раз покаяться, чтобы очистить свое сердце, и в его снах не раз являлось ужасом искривлённое лицо умирающего. Он понимал, что ни одна живая душа не заслуживает такой ужасной смерти, сколько бы грехов не совершил человек за свою короткую жизнь. К тому же, этим человеком являлся несчастный, потерявший жену и сына, и Лань Шиа еще долго винил себя, что никак не попытался помочь, и если хотя бы не спасти, то облегчить страдания.

Но в тот момент, когда он наблюдал, как его дядя прощается с жизнью в мучениях, его ожесточённое сердце ликовало.

<http://tl.rulate.ru/book/34815/764980>